

Слава Сорокин

ГНИЛЬ

рассказы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Слава Сорокин

Гниль

«Автор»

2020

Сорокин С.

Гниль / С. Сорокин — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99763-9

Грязные и чистые мысли. Размышления на бумаге. Боль и ненависть.
Алкоголизм и прочие непотребства. Фантазии и откровенный бред. Содержит
нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99763-9

© Сорокин С., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Прощай, Айлель	5
Тупик	8
Мальчик из коробки	10
Страх	12
Гриша	13
Шпрот	15
Мрамор	16
Исповедь алкоголика	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Слава Сорокин

Гниль

Прощай, Айлель

– Привет, Айлель!

– Ага, привет.

– Будешь кофе?

Утро понедельника в среднячковой душной рекламной конторе начиналось с дежурных приветствий; обыкновенный негласный этикет.

– Эй, Айлель! Ну как прошли выходные с той цыпочкой, о которой ты рассказывал? Удалось её трахнуть?

– Что за идиотский и некультурный вопрос?! – Резко отозвался Айлель.

– Да ладно, не кипятись ты. Итак вижу, что не удалось.

Айлель хотел было ответить на это, ничем не обоснованное, замечание, но тут в офис зашёл новый менеджер, у которого сегодня был первый рабочий день, и он сдержался. К тому же всё внимание любопытных переключилось на новенького. Айлель принялся за работу, стараясь ни на кого не обращать внимание. Но в обед в столовой распросы возобновились.

– Не переживай, дружище, ещё успеешь ей хорошенько засадить!

– Да чего ты ко мне с этим привязался? Дай мне спокойно поесть.

– Успокойся. Я просто пытаюсь подбодрить тебя, поддержать.

– А с чего ты решил, – негодовал Айлель, – что мне нужна твоя поддержка?

– Ну... Ты какой-то сам не свой. Не припомню, чтобы за два года, что мы работаем вместе, ты хоть раз был такой раздражённый.

– Со мной всё в порядке. Просто ты задаёшь тупые вопросы, которые, к тому же, тебя не касаются.

– Но ты ведь сам ещё во вторник, когда мы сидели в баре, рассказывал, что ты и твоя девушка, с которой ты познакомился недавно, поедете к тебе, в твой загородный дом. И что там ты собираешься, во что бы то ни стало, как ты сам выражался, наконец-то завалить её и показать ей, на что способен; да так, что она уже никогда не сможет думать о ком-то, кроме тебя.

– Ты сам знаешь, что тогда я был пьян...

– Ну так что, вы ездили?

– Да, чёрт побери, ездили!

– И-и-и...?

– Мы поссорились. Ты доволен?

– Сочувствую, дружище.

– Да ничего. Сегодня она обещала зайти ко мне вечером, чтобы поговорить. Сказала, что не хочет расставаться, тем более из-за какой-то мелкой неурядицы.

– Вот и хорошо. Значит, всё наладится.

– Не знаю, не знаю. Она сильно задела меня.

– Прекрати. Эти женщины... Ну, ты знаешь... Слушай, а у тебя есть её фото? Мне всё хотелось взглянуть. Так, любопытства ради.

– Нету. – Ответил Айлель.

– Как же так? Наверняка у тебя в телефоне есть хотя бы один её снимок.

– Я не фотографировал её. Зачем мне это?

– Ты странный, – сказал Джордж, и подытожил: – У тебя точно всё в порядке?

– Чёрт бы тебя побрал, Джордж! Я только что всё тебе рассказал. Отвали от меня! Ты достал меня своими вопросами! Дай мне спокойно поесть и вернуться к работе!

Джордж бросил на Айлеля взгляд с горьким упрёком, затем развернулся и молча ушёл. Айлель быстро доел свой обед.

Вечером, когда рабочий день подходил к концу, новенький подошёл к нему и прямо в лоб спросил:

– Айлель! А что у тебя за имя такое странное?

Айлель грозно посмотрел на него, а потом неожиданно вмазал ему кулаком по лицу. Новенький упал, из носа у него хлынула кровь. Сбежался почти весь малочисленный отдел.

– Да что с тобой сегодня такое? – Закричал Айлелю Джордж.

– Это вы его надоумили?!

– Да. Но вот только...

– Да пошли вы все! – Проворчал Айлель. Затем схватил свою куртку и вынырнул из офиса.

Улица была наполнена серединой весны и работягами, идущими домой или ещё куда-то. Айлель быстрым шагом пробирался сквозь толпу. До дома оставалось всего минут десять, а до визита девушки целых полчаса. Интересно, что же такого она скажет ему, отчего сердце его должно оттаять? Видимо, она жалеет о своих словах, о случившейся из-за них размолвке.

Он почти не верил в то, что из этой встречи выйдет что-то хорошее, но всё же не стал противиться её визиту, так как его распирало самое банальное любопытство; ну и заодно ему почему-то хотелось позлорадствовать.

Вот он и дома. До появления девушки осталось совсем немного. Айлель быстро умылся, привёл себя в порядок и принялся нервно расхаживать по комнате, обдумывая предстоящий разговор и ломая голову над вопросом: что же она хочет сказать? Впрочем, вероятнее всего, она будет просто импровизировать. Так часто случается: прокручиваешь в уме красиво составленные фразы, полностью продумываешь предстоящий разговор, предвидя все ответы оппонента и заготовив ответы на эти самые ответы; а потом, когда начинается реальный разговор, то все заготовленные фразы вылетают из головы или попросту, в силу разных причин, не хватает решимости произнести их вслух. Да, очевидно, что так оно и будет.

Она пришла. Айлель открыл и молча впустил её в свою квартиру, заперев за ней дверь. Она начала что-то говорить, он слушал. Разговор выдался долгим, они спорили, иногда ненадолго умолкая, – чтобы передохнуть и всё обдумать, – уже около часа. Говорили они по очереди, не перебивая друг друга. Но затем вдруг перешли на крик. Причём кричал в основном Айлель, девушка же, видимо, предпочитала по большей части отмалчиваться.

Неожиданно наступила тишина. Но уже через пару минут тишину прервали два выстрела, и соседи услышали звук: будто что-то тяжёлое рухнуло на пол.

Вызвали полицию.

Пока прибывшие полицейские пытались докричаться до Айлеля или его девушки, не спеша взламывать запертую изнутри дверь, пожилая соседка стояла неподалёку и причитала:

– Я знала... Я так и знала, что этим всё кончится, что он рано или поздно убьёт её. Слишком часто я слышала через стену, как она его оскорбляет...

За дверью было тихо, никто не откликнулся. Тогда полицейские решились на взлом. Когда они, наконец, оказались внутри, то увидели лежащего на полу Айлеля с простреленной головой, в луже крови, рядом с ним лежал пистолет. Копы обыскали всю квартиру, но девушку так и не нашли; окна были закрыты. Тем не менее все соседи настойчиво утверждали, что выстрела было два, и что никто из них не слышал и не видел, чтобы кто-то покинул квартиру с момента выстрелов и вплоть до самого приезда полиции. Всё, что удалось обнаружить полицейским, – лишь вторую пулю, застрявшую в стене.

Тупик

Осенний сырой город. Ночь. Тусклые фонари лениво покрывают жёлтым светом дорогу, вдоль которой ещё полвека назад выросли, теперь уже обшарпанные и потускневшие, красные пятиэтажки. В это время суток они производят довольно унылое впечатление. Если принять во внимание ещё и мелкий холодный дождь, бесцеремонно целующий город, то в голове вполне может сложиться депрессивная картина.

И вот внутри этой картины уверенным и быстрым шагом, слегка ссутулившись, одиноко идёт человек. Руки его спрятаны в карманы чёрного пальто, почти идеально сидящем на нём. Узкие чёрные джинсы и того же цвета ботинки искусно дополняют образ. Ничем не покрытая голова с короткими чёрными волосами не позволяет некоторым каплям дождя достигнуть асфальта, впрочем, как и весь человек в целом.

Человека одолевают тягостные мысли. Он полностью погружен в себя и не замечает ни дождя, ни домов, ни раздражающе-жёлтого света фонарей.

Он уже не раз прокручивал в голове возможные события сегодняшней ночи и представлял множество исходов, но надеялся лишь на один.

Несколько раз он в неуверенности замедлял шаг, но буквально через минуту внутренняя буря вновь брала верх. Эта буря придавала человеку уверенности, и он, горько улынувшись, возвращался к прежнему темпу.

Кажется, что мысли, засевшие в голове этого человека, терзают его, но при этом его будто что-то радует. Правда, радость эта имеет отчётливо выделяющийся оттенок печали, лежащий на самой поверхности всех его размышлений.

«Жизнь – это тупик», – беззвучно вывел он короткое умозаключение. И так же беззвучно продолжил:

– Каждое существо, невольно попадая сюда, что бы оно ни делало, куда бы оно ни свернуло, неминуемо стремится к тупику и больше никуда. Исход всегда один.

Ну а человек, каждый человек в отдельности... В отдельности? Всё просто: мы рождаемся и умираем. Известный и привычный цикл. А в промежутке – ничего стоящего. И лишь земля впитает наши соки и будет сдобрена нашими телами, и полчище насекомых устроит копошащееся пиршество. Но это лишь один из вариантов. За множество веков человечество придумало кучу способов самоутилизации.

Так и болтается этот коктейль – рождение – жизнь – смерть, рождение – жизнь – смерть – с самого начала бесчисленных веков. Бессмысленное, бесполезное и беспощадное месиво. Слишком много «бес». Но так оно и есть. Жизнь не имеет ровным счётом никакого смысла. Ни моя, ни чья-либо ещё; да и вообще – во всеобъемлющем понятии. Никакого смысла, никакого.

Возможно, я был бы рад оспорить собственное умозаключение, но итогом будет полная капитуляция перед самим же собой. Так что нет никакого толка спорить.

Мне не раз доводилось сталкиваться с узкими фразами, плотно застрявшими в чужих головах, фразами вроде: «найди свой смысл жизни», «смысл жизни в продолжении рода», «смысл жизни у каждого свой» и так далее.

Смысл жизни у каждого свой... Интересно, и в чём же, к примеру, заключается этот самый смысл для старухи, спешащей в магазин, еле-еле перебирая своими изрядно поизносившимися ногами, за очередной порцией водки для своего сына-алкаша, который недужными пинками, нелестными фразами и прямолинейными угрозами вынудил её отправиться в этот унижительный поход, в который несчастная старушка далеко не первый раз, еле сдерживая слёзы, была вынуждена пуститься, лишь бы собственный сын, – продолжение рода, – её не бил?

И в чём же смысл жизни её поганого сынишки? Или какого-нибудь инвалида? Умалешенного? Да вообще любого человека! Ответ прост: ни в чём.

Каждый сам для себя придумывает оправдание собственного существования; тем самым теша себя мыслью о том, что его жизнь хоть чего-то да стоит; что живёт он не просто так, не по прихоти пошлой случайности, сделавшей его первым из нескольких миллионов сперматозоидов. Высшая форма наивности!

Проще всего тем, кто живёт, особо не задумываясь над хотя бы каким-то смыслом жизни. Беззаботное существование и беззаботная смерть. Везунчики. Вот бы и мне так. Хотя, конечно, вопрос везения со столь легкомысленным, – я бы даже сказал: безмысленным, – подходом к жизни тоже довольно спорный.

Да и ко всему прочему...

Вдруг человеку перебежала дорогу чёрная кошка, прервав своим появлением его размышления.

– Хороший знак, – сакральным шёпотом произнёс он вслух. И снова вернулся к внутреннему монологу:

– Интересно, а в чём смысл жизни этой кошки? В том, чтобы подпугивать людей, верящих в приметы? Полный бред. А в чём смысл жизни вообще всех живых существ? Какой-нибудь узколобый тупица, не задумываясь, опрокинет: «Для пропитания людей! Ибо человек есть вершина пищевой цепочки!» На такой ответ способен только редкостный болван, в своём развитии не ушедший дальше школьной программы начальных классов. Такому и родиться не следовало.

Впрочем, никому не следовало.

Действительно, зачем? И почему? ...все рождаются, а затем умирают. И в промежутке – ничего. Так оно и выходит, если хорошенько разобраться. Ведь всё живое рано или поздно умирает и ему на смену приходит такое же «всё живое», также обречённое на неизбежное исчезновение.

Жизнь – это просто череда эмоций; от безумно приятных до самых скверных. – Вновь вывел заключение человек. – И все рано или ...

На этом его размышления прервались, так как он упёрся глазами в конечную точку своей прогулки – мост, высоко перекинутый через реку.

– Ну вот..., – глухо произнёс он. Затем прошёл к середине моста, подошёл к его широкому парапету, немного постоял, глядя вниз, на звёздное небо, пародируемое рекой, и забрался на парапет. Человек стоял и готовился к прыжку.

И вот, когда он наконец-то был готов отдаться реке, мысли совсем иного порядка закружились в его голове: «А что, если смысл всё-таки есть? Что, если жизнь не такая уж и примитивная, какой я её себе рисую? И ведь если я сейчас спрыгну, то я об этом вероятно уже никогда не узнаю. А вдруг в ней всё же есть что-нибудь хорошее и стоящее, и мне надо лишь постараться направить моё отношение к ней в другое русло. В конце концов, миллиарды людей ведь как-то живут; и многие из них выглядят искренне счастливыми».

Эти мысли и мысли подобного рода молниями мелькали в его голове. И он уже был готов развернуться и спуститься обратно на твёрдую землю, но тут вдруг кто-то сзади окликнул его:

– Эй, парень! Ты чего туда забрался?!

Парень машинально обернулся, и от этого резкого движения левая нога его соскользнула. Через несколько секунд раздался всплеск.

А ночь продолжала течение, отражаясь своей темнотой в холодной глади реки.

////////////////////////////////////\////////////////////////////////////
////////////////////////////////////
////////////////////////////////////\////////////////////////////////////

Мальчик из коробки

Моя очередная смена на складе подходила к концу. Все мысли уже битый час были направлены на бутылку виски, что стояла у меня дома, в моём, чёрт бы его побрал, холодильнике.

Ладно, вру. Не мой это холодильник. И дом не мой. Всего лишь арендуемое помещение с арендуемым холодильником. К этому всему добавляются арендуемые: стол, унитаз, ванна, постель, пол, потолок и прочая херня, вплоть до вешалок. Всё не моё, за всё приходится платить. Зарабатывать, чтобы тратить. Тратить, чтобы зарабатывать. Жить, чтобы умирать. Умереть, чтобы освободить место очередному больному ублюдку, который тоже сдохнет. Немыслимый и бессмысленный неминуемый процесс.

Мне предложили сверхурочные. Какой-то грузовик опаздывал, а его надо было разгрузить. Я рассудил так: час жизни – ничего не стоящая фигня, зато деньги, которые получишь за этот час, можно выгодно обменять на выпивку. Это предельно разумно. Конечно, я согласился.

Склад уже давно закрыт. Остался только я да связка ключей от ворот. Приехал грузовик. Мы перекинулись с водителем парой слов. Затем я выгрузил то, что должен был выгрузить, следуя инструкциям на бумагах. Именно. Я всё точь-в-точь так и сделал. И вот я уже гашу свет. Собираюсь уходить. Но тут в одной из огромных коробок начинает проявляться жизнь. Как вам объяснить? Из неё начинают доноситься стуки.

Сначала я решил, что просто рехнулся. Но похмелье меня не мучило уже часов семь. Да, действительно стуки.

Большая коробка. Там, внутри, должно быть, холодильник.

Стук усиливался. Мне было не по себе. Мистика.

Совладав с собой, я взял железный прут, ножницы, и двинулся к огромной коробке. Я вскрыл её. И правда, холодильник. Новенький. Мне бы такой.

Но стук не утихал. Он шёл из холодильника. Из этой белой груды материала, который сначала вынужден послужить каким-нибудь сентиментальным смертным мразям на пользу, а потом будет гнить на помойке, когда его время придёт.

Стук доносился из холодильника. Я открыл его. Внутри оказался до ужаса напуганный мальчик. Ему с виду лет восемь, не больше. Он задыхался от паники. Не удивительно. Я бы тоже паниковал, окажись я в холодильнике на несколько часов.

– Парень, ты охуел! Ты как вообще?

– Мистер, вы спасли мне жизнь!

– Проваливай отсюда. Ты меня перепугал!

– Нет, мистер! Вы спасли меня. Загадывайте любое желание!

– Мальчик, у тебя шок. Пойдём отсюда. Где твой дом? Я подвезу.

– Мистер, вы не поняли. Я серьёзно.

– Что серьёзно?

– Вы спасли меня! Чего вы хотите?

– Хочу пятилитровую бутылку джина, прямо сейчас!

– Окей.

И тут в моей правой руке образовалась огромная бутылка. Я чуть не выронил её от шока. Откупорил. Понюхал. Джин.

– Парень, ты кто, бля?

– Я просто заблудился.

– Так тебя подвезти?

– Да, если можно.

Мы подошли к моей машине. Сели.

- Куда едем, мальчик?
- Я отхлебнул из бутылки. Отличный джин!
- На завод холодильников.
- Ты очумел?
- Вам нравится ваша выпивка, мистер?
- Ладно, поехали.

Дорога была длинной и скучной. Я не задавал вопросов, мальчуган тоже молчал. Но мне было дико любопытно, кто он такой и откуда взялся. Вся эта мистификация. Хуйня какая-то. Но это происходило со мной, это было правдой. И я должен был хоть что-то спросить. И я спросил:

- Да кто ты такой, парень?
- Я просто заблудился.

Мелкий ублюдок. Я глотнул ещё джина. Ехать оставалось минут двадцать. Я глотнул ещё. Ещё, ещё. Ещё. И ещё.

- Парень, сукин ты сын, кто...

Я посмотрел на пассажирское сиденье. Но оно было пустым. Похоже, я просто сошёл с ума. Но откуда тогда бутылка, пустая уже на пятую часть?

Мои руки дёрнулись, руль крутанулся. Встречная. Резкий свет фар.

Столкновение. Обочина. Я истекаю кровью. Вижу свет. Вижу вдалеке этого мальчика. Он улыбается. Отличный джин, парень, отличный джин.

////////////////////////////////////^////////////////////////////////////
////////////////////////////////////
////////////////////////////////////\////////////////////////////////////

Страх

Был прекрасный осенний день, и я отправился погулять. Точнее сказать, я решил съездить в тот город, в котором родился и жил аж до почти восьми лет. И взял с собой в дорогу деревянную дверь, когда-то давно покрытую белой краской, нынче трещины на которой не сложно было заметить, на которую была привинчена старинная деревянная лакированная круглая ручка.

Я спокойно дошёл с дверью до платформы, где минут двадцать ждал электричку. Это время летело очень медленно. Безобразные двадцать минут отчаянного одиночества. Чёрт бы с ними, пришла моя электричка.

Зашёл в вагон. Обычный вагон, плохо освещённый, с тусклыми людьми и такими же тусклыми красками, если это, вообще, можно назвать красками.

Вышел на знакомой мне с раннего детства станции, пошёл по знакомой мне с раннего детства дороге, видел знакомые с раннего детства дома и деревья. Шёл сквозь хорошо мне известный лесок, по левую руку от которого расположен большой пансионат.

В конце этого леса была длинная бетонная стена, в которой на уровне колен высокого мужчины была проделана дыра, по своим размерам достаточная для того, чтобы через неё мог пройти человек. По правую сторону от дыры сидели два молодых человека относительно грозного вида и разного возраста. Когда мы с дверью собрались пройти сквозь дыру, и я уже спустился со стены, а дверь была ещё внутри стены, один из тех молодых людей, тот, который помладше и пониже, остановил меня и спросил, куда это мы собрались? Я ответил, что мы просто гуляем. На что он заявил, что для того, чтобы пройти, мы должны заплатить ему десять процентов от той суммы, которая у нас есть. У нас было только сорок монет. Он сказал, что ему причитаются четыре. Я не стал возражать, но попросил его сначала помочь двери перейти через стену. Он ответил согласием и помог. Затем я спросил, как его зовут, а он ответил, что мне не надо это знать. Потом я узнал его, а он узнал меня. Он позвал меня прямо сейчас на какой-то завтрашний праздник, но я должен был отказаться, так как хотел погулять. А дверь просто осталась на этом месте.

Я зашёл в больницу. Шёл сквозь безумно длинный и тёмный коридор. Вдруг, слева резко распахивается дверь и выбегает человек, с ног до головы в крови. Тут же ему в спину стреляет полицейский. Человек падает замертво. Я стою и смотрю полицейскому прямо в глаза, а он сидит напротив меня, упёршись о стену (на нём тоже кровь) и что-то рассказывает своему напарнику, который так же сидит (по правую от него руку). Я слышу, как он говорит: "Восемь, уже восемь мёртвых, сначала трое, потом ещё пять. Что за день?" Я обвожу взглядом помещение. Кругом битые стёкла и жуткий пол в мелкий чёрно-белый квадрат.

Я в страхе убегаю.

////////////////////////////////////\////////////////////////////////////
////////////////////////////////////
////////////////////////////////////\////////////////////////////////////

Гриша

Он появился в моей жизни совершенно неожиданно. Помню, мы с моей девушкой лежали в постели, она уже спала, а я только-только начал засыпать, когда на балконе вдруг захлопало окно. Это продолжалось около минуты. От шума девушка проснулась.

– Опять этот ветер. Милый, запри окно, пожалуйста, мешает спать.

– Хорошо, – ответил я, поднялся и отправился на балкон.

Когда я запираю окно, меня вдруг пронзила отчётливая мысль, что окном хлопал вовсе не ветер, а Гриша. Мне даже стало немного стыдно, что я испортил ему забаву.

Я вернулся в комнату и лёг обратно на своё место.

– Спасибо, любимый, – поблагодарила меня девушка.

– Да не за что. Знаешь, по-моему, это вовсе никакой не ветер, это Гриша хлопал окном, так, шутки ради.

– Какой ещё Гриша? – рассмеялась девушка. – Спи давай. Гриша, блин.

– Не знаю... Но это точно он.

На утро я не помнил ни о каком Грише и уж тем более о таком пустяке, как хлопающее окно. Я спокойно собрался и отправился на работу.

Вечером, когда мы с девушкой сидели в комнате и смотрели фильм, я услышал, как что-то упало на кухне, но не придавал этому значения. Но спустя несколько минут я снова услышал на кухне шум, будто что-то небольшое упало на пол. Любопытство заставило меня подняться и пойти на кухню. Там всё было в порядке и всё лежало на своих местах. Когда я вернулся к девушке, она спросила:

– Чего это ты так ломанулся на кухню?

– Да было интересно, что это упало там пару раз.

– Но ведь ничего не падало.

– Как? Ты же слышала шум.

– Какой ещё шум, милый? Не было на кухне никакого шума и ничего там не падало, тебе просто послышалось. Давай смотреть фильм.

– Ладно. Видимо, это опять Гриша.

Сам не знаю, почему вновь назвал это имя.

Так продолжалось ещё с неделю. Я отчётливо слышал в квартире какой-нибудь кратковременный шум, говорил об этом моей девушке, а она каждый раз настойчиво утверждала, будто никакого шума нет и что мне всё это слышится. И порой у меня действительно складывалось впечатление, что все эти звуки мне просто-напросто мерещатся, так как, когда я отправлялся проверить, что это там снова упало, всё было на своих местах, как и около недели назад на кухне. И каждый раз я, сам не понимая, почему, списывал это всё на проделки Гриши. Только девушка уже не смеялась, а просто просила перестать выдумывать.

Вчера же, после очередного повторения ситуации с шумом и моего замечания по поводу Гриши, девушка не выдержала и вспылила:

– Да нет никакого Гриши! Хватит! Всё это давно уже не смешно! Ты совсем уже свихнулся с этим твоим Гришей! Прекращай! Хватит! Пожалуйста!

Я промолчал и просто лёг спать.

Проснулся я среди ночи. И снова услышал шум: в ванной-комнате лилась вода. Я хотел было проигнорировать это обстоятельство, но любопытство снова взяло надо мной верх. Я осторожно поднялся и максимально бесшумно подкрался к ванной. Пока я шёл, шум воды не стихал, но когда я влетел в ванную и включил свет, там не оказалось ни льющейся воды, ни какого-либо шума; обыкновенная ночная тишина.

Я не выдержал и заорал:

– Гриша! Что ты творишь?! Зачем?! Гриша, прекращай! – кричал я. – Ты же хороший...
– добавил я почти шёпотом, медленно опустился на колени и склонил голову вниз. Ответом была лишь тишина.

Зато на мой крик примчалась девушка.

– Чего ты кричишь? – сочувственно и одновременно с упрёком спросила она.

Я поднял голову и посмотрел ей в глаза. Она явно ждала ответа.

– Знаешь, – не спеша произнёс я, – Гриша... Он безобидный, он добрый. И он не желает никому зла. Ему просто-напросто скучно и одиноко. Гриша добрый. Правда, добрый, я точно знаю.

– Милый, нет никакого Гриши. Ну что ты заладил? Что с тобой происходит?

– Я слышал его! Слышу каждый день. Он есть. Есть! – кричал я в истерике, мне было обидно, что моя девушка не верит мне и делает из меня сумасшедшего, помешанного. – Гриша, она не верит нам. Гриша, ну, пожалуйста, докажи ей, что ты существуешь, что я не сошёл с ума!

Вдруг я услышал звук хлопающего окна на балконе. Я крикнул, глядя в глаза девушке:

– Гриша! Это Гриша на балконе! Слышишь?!

Я резко поднялся и побежал на шум. Но я так сильно был взвинчен и взволнован возможностью доказать моей девушке существование Гриши, что в итоге оступился и, падая, ударился головой об стену.

Очнулся я в больнице. Сильно болела голова. Похоже, было раннее утро, в палате все спали. Мне очень хотелось пить. Я попытался подняться, но закружилась голова. Тогда я, не раздумывая, крикнул: «Пить!» И вдруг увидел, как с тумбочки возле соседней койки поднялась бутылка с водой и направилась в мою сторону.

– Гриша, это ты? – улыбнувшись, спросил я.

Пришедшая на мой крик санитарка, обомлела.

////////////////////////////////////\////////////////////////////////////
////////////////////////////////////
////////////////////////////////////V////////////////////////////////////

Шпрот

Приятно, когда случаются хорошие дни. Сегодня я должен получить очередное повышение.

В этой компании я работаю уже очень давно. В пятницу мне сообщили о том, что я снова достиг определённого уровня, успеха, а это всегда означало повышение и, разумеется, прибавка к зарплате.

В общем, сегодня долгожданный понедельник. День начинается идеально. Проснулся я, уже ожидая, что ждёт меня сегодня.

Я поднялся с постели и направился в душ. Проходя через коридор, я увидел конверт, видимо, просунутый под дверь. Я поднял его, но прочитать не было времени. Положил его на полку возле зеркала, где лежат ключи – чтобы не забыть его, открою на работе.

Принял душ, почистил зубы. Оделся, причёсался. Сегодня я должен выглядеть идеально. Сегодня меня, я уверен, ожидает повышение до заместителя генерального директора. Я должен выглядеть лучше всех; лучше, чем когда-либо!

Оделся. Я великолепен.

Вызвал такси. Доехал до работы. Мои подчинённые здороваются со мной.

Ещё лет пятнадцать назад я дал себе чёткое указание: карьера и уровень заработка – важнее всего. Интересы, хобби, увлечения, которые не приносят прибыли – полная чушь. Даже если тяжело от них отказаться, то нужно приложить все усилия, но отказаться суметь. Нет смысла в каком-либо деле, если дело это не приносит прибыль. И вот поэтому я сегодня в чудесном настроении. Я практически достиг вершины своего идеала: с минуты на минуту я стану замом гендира. О, я так счастлив!

Так, надо выйти покурить. Выхожу из офиса, из бизнес-центра. Лезу в карман за сигаретами... Конверт. Тот самый. Тот самый, который я обнаружил утром около двери. Ох, эти поздравления. Открою позже.

После обеда я ждал, когда меня ж, наконец, вызовут для того, чтобы сообщить мне о повышении. Но меня так и не вызвали. Затем: два часа дня, три часа дня. Не вызывают. Я начинаю нервничать. Беспокоиться. Обо мне забыли?

Четыре часа дня, пять часов дня. Через час заканчивается рабочий день. Неужели повышение переносится? Я на нервах.

Пора домой. Руководители давно разошлись. А я всё ещё на что-то надеюсь. Да, перенесли повышение. Сегодня просто было много дел. Повышение будет завтра.

Руки трясутся. Пора домой. Хватаю с вешалки пальто. Падает. Поднимаю. Вижу на полу то самое утреннее письмо. Надо открыть. Я был уверен, что в нём поздравления от сотрудников и подчинённых; да, это два абсолютно разных для меня класса людей.

Открываю конверт. Сложенный лист А4. Разворачиваю. Вижу огромную чёрную надпись: «ТЫ ШПРОТ.»

////////////////////////////////////
////////////////////////////////////
////////////////////////////////////

Мрамор

Когда идёшь по платформе, вдоль которой удаляется поезд по направлению твоего движения, кажущийся чем-то вроде стены, какой-то надёжной опорой, пусть и движущейся, а потом вагоны заканчиваются, – поезд исчезает окончательно, – на его месте вдруг образуется пропасть, в которую, кажется, вот-вот упадёшь, и затем неминуемо будешь намертво раздавлен следующим поездом. От этого каждый раз страшно.

И заодно мгновенная потеря ощущения безопасности вызывает в голове некий стресс. Эти, резко нахлынувшие, чувства смешиваются, временами вызывая дикое беспокойство внутри. От этого беспокойства иногда становится трудно дышать, вплоть до того, что начинаешь задыхаться. Воздуха упорно не хватает; хочется поскорее покинуть платформу, выбраться наружу. Но вместо этого стоишь, как вкопанный, и держишься за грудь, учащённо дыша и упёршись взглядом в пол; а точнее, никуда, так как глаза полностью расфокусированы и не могут ни за что зацепиться. Мысли рассеяны. Их будто и нет. Ноги становятся ватными. Страх окутывает сознание полностью.

Паника! Паника! Паника!

«Что это с ним?» – Подумает про себя кто-то из прохожих. А кто-то открыто обменяется предположениями со своим спутником. Или с кем-то из прохожих. Или просто выскажет своё предположение вслух – потому что не имеет манер, вследствие чего не умеет промолчать.

Как правило, все эти предположения неправильные. Но в этом нет никакой человеческой вины. Разве может хоть кто-то предположить, что человек задыхается лишь потому, что поезд покинул платформу, заставив его этим потерять всякое ощущение собственной безопасности и практически лишив возможности нормально дышать. Очевидно, что нет.

А человеку тем временем становится всё хуже. И вот он уже упал на колени. Дыхание становится реже. Кто-то суетливо звонит в «скорую». А несчастный тем временем совсем перестаёт дышать и плавно расстилается по мраморному полу метрополитена животом вниз. Глаза закрываются. Человек умирает.

Довольно глупая смерть.

////////////////////////////////////\////////////////////////////////////
|||||
////////////////////////////////////V////////////////////////////////////

Исповедь алкоголика

Утро. Чёртово, блядь, утро. Тонкие полупрозрачные шторы не спасли, и надоедливое солнце ударило меня в лицо. Я ещё не до конца осознал, что проснулся и что я это я. Сознание мечется в страшной агонии, требуя хоть какого-то утешения. Требуя спасения от вновь нахлынувшей реальности.

Вот бы не просыпаться. Вот бы не выползть из постели. Но похмелье и ещё кое-что более страшное, называемое отрезвлением, вынуждают меня скинуть с себя одеяло, подняться, одеться и, даже не умывшись и не почистив зубы, выбраться на улицу. Выбраться для того, чтобы разжиться очередной порцией спиртного, распрощавшись с очередной частью заработной платы.

И вот я иду по улице. Ноги подкашиваются. Перед глазами в основном метель, несмотря на то, что город укрывает довольно стойкий и безветренный летний день.

В душе агонизирует стыд за моё состояние, но привязанность к алкоголю очередной раз переборола какие-либо рамки приличия и угнетающее чувство стыда. Мне нужно выпить. Мне срочно надо упиться в край, иначе день рискует превратиться в бессмысленно прожитый отрезок отведённого мне времени.

И вот я иду. Куча прохожих. Их не меньше миллиарда. И меня не сильно прельщает возможность заглядывать им в глаза. Они бесят меня. Каждый встречный индивид пробуждает во мне ненависть. Ненависть ко всей человеческой расе, включая меня.

Да, я ненавижу себя. Я тысячу раз убеждал себя в том, что завтра брошу пить. Но каждый раз я находил повод или возможность выпить. И каждая завязка летела прочь. Мой рекорд: пять месяцев. Мне тридцать один. А пью я с шестнадцати, почти каждый день. Не самая сложная арифметика. Только дозировка постоянно увеличивается. Если в шестнадцать мне было достаточно пары бутылок, чтобы напиться, то теперь мне для этой цели необходимо не менее трёх литров пива; и этого объёма обычно хватает не более чем на пару часов.

Я – летальный исход собственного разума. Я – твои алкогольные или трезвые страхи. Я – устойчивый запах аммиака. Я, чёрт побери, не ты. И я счастлив из-за этого факта.

А день продолжается. Я закупился так, что был уверен, будто шести литров пива, пары бутылок вина и несколько дешёвых коктейлей в алюминиевых банках мне хватит на весь день. Я сильно ошибся, полагая так. По истечении пяти часов запасы были употреблены. А это значит, что надо идти за добавкой.

Поборов очередной наплыв стыда, я, шатаясь, выбрался из квартиры и направился в магазин. Там меня уже нетерпеливо ожидало обилие выбора. Набрал ещё кучу пива и баночных коктейлей, я, в относительном смысле довольный, пошёл домой, где собирался продолжить возлияния.

И вновь по пути я проклинаяю и жалею себя. Катится в пропасть третий день моего дикого запоя; и я осознаю, что за эти три дня спустил исключительно на бухло и только для себя не менее восьми тысяч. Но при этом я не покупал ничего дорогого. И не надо обладать хоть какой-нибудь фантазией, чтобы понять, сколько дешёвого алкоголя было выпито мной. А мне всё мало.

Я иду домой, заглядываю в глаза прохожим, но они отворачиваются или смотрят на меня как на типичного унтерменша. Возможно, они предельно правы.

В голове летают мысли о самоубийстве, о бесполезности этого мира, о бесполезности всей вселенной; всё окружение кажется мне ужасающе плоским, от этого становится страшно. Я смотрю на свои руки, они никчёмны. Я уже вижу, как моё тело будут жрать черви. Меня начинает охватывать паника, всё кругом кажется враждебным, будто каждый миллиметр существования несёт в себе угрозу.

Стараюсь ускориться, чтобы наконец-то оказаться дома, где я более-менее чувствую себя в безопасности. Вот родная дверь. Ключи. Замок. Я дома. Распикиваю алкоголь по холодильнику, литр спиртного проглатываю залпом – чтобы поскорее забыть о страхах и панике, чтобы ничего не осознавать и не чувствовать; в конце концов, чтобы не помнить. Я уже забыл о проклятиях в собственный адрес. Только бы напиться и вырубиться, лучше уж так, чем всё остальное. И это мне легко удаётся.

Открываю глаза. Первое, за что цепляется взгляд: опрокинутая пепельница, разбросанные по полу бычки, следы от высохшего пролитого пива, куча пустых бутылок и банок, грязный пол... Полный бардак. Хаос. Вновь подкатывает стыд. Твержу себе, что надо бы ещё поспать, а затем навести порядок, взяться за ум, перестать пить. Ведь это не ведёт ни к чему хорошему. Сколько всего в жизни было откровенно проёбано из-за моего алкоголизма. Надо прекращать пить. Давно пора завязывать. Да так, чтобы больше ни капли, никогда и ни при каких обстоятельствах. Пытаюсь заснуть.

Спустя час попыток, заснуть так и не удалось. Но спать очень хочется. И тут я понимаю, что единственный способ уснуть – хотя бы немного выпить. Пытаюсь отгородить себя от этой затеи, но что-то внутри пересиливает меня, я одеваюсь и выхожу из дома, чтобы купить алкоголь. И разумеется, дело вновь не обойдётся малым количеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.